

Рабочая газета Украины - Киев - 1992 - 25 февр.

Любовь в жизни Тараса Шевченко

Загадки прошлого

Княжна искренне желала добра своему любимому, стремилась сделать для него что-нибудь доброе. Узнав о бедственном положении родственников Шевченко, она, совместно с другими филантропами и филантропками, имела намерение путем подписки собрать необходимую сумму для выкупа их из крепостной зависимости. Она с радостью вывезла своими руками шарф и подарила его Шевченко, тот с удовольствием принял этот знак внимания.

Как-то Варвара Николаевна в присутствии Глафиры Псиол и своей младшей сестры Тани сказала Шевченко: «Вы умеете разговаривать с ангелами, расскажите же нам, что они Вам говорят?». Шевченко сразу же принес чернильницу и здесь же, в присутствии всех, написал:

«Душе с прекрасным назначением
Должно любить, терпеть,
И дар Господний, —
вдохновение —
Должно слезами поливать.
Для Вас приятно это слово...
Для Вас я радостно сложил
Свои житейские оковы,
Священнодействовал я снова
И слезы в звуки перелил.
Ваш добрый гений осенил
Меня бессмертными крылами
И тихострунными речами
Мечты о рае пробудил».

Княжна ревновала Шевченко к другим женщинам. Она писала: «Я, втайне и не сознавая того, чувствовала ревность из-за предпочтения, которое он оказывал Глафире. Моя радость, может быть, слишком добра, грусть начинала становиться недоброй». Варвара Николаевна в своих записях признается, что она хотела бы «всегда видеть его великим». Я хотела бы чтобы он был неизменно свят и лучезарен, чтобы он распространял истину силою своею и хотела бы, чтобы это сделалось через меня». Увлечение княжны становилось все более заметным для домашних, тем более, что она и не старалась его скрыть. Она вспоминает: «Я была точно в лихорадке; меня мучило его своеобразие, а также, не скрою, — его несчастная слабость выпить иной раз лишней стакан вина, — слабость, которая меня огорчала, от которой я хотела исцелить его».

В биографической повести Репниной есть также слова, относящиеся к Шевченко: «Он был поэт... Поэт по всей общирности этого слова; он стихами своими побеждал всех. Он выжимал из глаз слушающих его слезы умиления и сочувствия, он настраивал души на высокий диапазон своей восторженной лиры, он унаследовал за собой старых и молодых, холодных и пылких. Читая дивные свои произведения, он делался оборотистым; музыкальный голос его переливался в сердца слушателей все глубиннее чувства, которые тогда владычествовали над ним. Он одарен был больше, чем талантом, ему дан был гений, и душа его, чувствительная и добрая, настраивала его певницу на высокое и святое. Молва разносила печальные слухи о его детстве и юности, говорили, что он много страдал, что он купил ужасными испытаниями право громить сильных».

Какие прекрасные, какие чистые, какие обворожительные слова глубоко любящей женщины! Сколько в них прелести и очарования! Дай Бог, чтобы подобных слов было больше в общении друг с другом. И, главное, это была чистая, солнечная, бескорыстная дружба без примеси заискивания и выгоды.

Страдания княжны от неразделенной любви к Шевченко становились все более нетерпимыми и мучительными, и Ка-

пнист принимает решение увезти Шевченко из Яготина. Княжна не он сказал, что Шевченко надо уехать и что он берется увезти его к себе, добиться его доверия, заставить его высказаться и дать ему понять, что ему больше нельзя жить в Яготине. «От этого решения, — пишет княжна, — у меня сжалось сердце; я до такой степени пала духом, что Капнист сказал мне: «Если бы я знал, что это так серьезно, я не решился бы говорить с вами так, как говорил».

Дня через четыре Капнист увез Шевченко. Перед отъездом Шевченко вручил княжне записку «по праву брата», в которой просил милую княжну «хранить в себе богатства, которые Бог вложил в прекраснейшее из своих созданий».

Для того, чтобы внезапный отъезд Шевченко не показался странным для окружающих, Капнист, посоветовавшись с княжной, решил, что через несколько дней Шевченко необходимо вернуться в Яготин для окончания начатых им художественных работ. Недели через две он вернулся и с 1 по 10 января 1844 года работал над овальным портретом детей брата княжны Василия — маленьких Варвары и Василия. Это были последние дни проживания Шевченко в Яготине.

Почти все время при работе над этими портретами детей брата Репнина находилась вместе с ними, призывала сидеть «мирно», не шалить, занимала их и одновременно разговаривала с Шевченко. Последние три дня перед отъездом, как стмечала Варвара Николаевна, Шевченко «был сердечен, нежен и добр».

В день отъезда, 10 января 1844 года, она со слезами бросилась Шевченко на шею, перекрестила ему лоб, и он убежал из комнаты. Еще целый месяц Шевченко находился в этих местах, но в Яготин не приезжал. Княжна часто смотрела на автопортрет поэта, подаренный ей милым автором, и тосковала по оригиналу.

Всю свою долгую жизнь она не могла забыть обаяния милого ей человека, хранила память о нем и всегда помогала всем, чем могла, начиная с благой молитвы и до ободряющих писем.

Годы, проведенные поэтом в Яготине, были лучшими в жизни его — веселые, беззаботные, безудержные и многообещающие. Варвара Николаевна восхищалась душевными качествами поэта и благодарила судьбу, подарившую ей дружбу с этим человеком. После отъезда Шевченко из Яготина добрые отношения между Репниной и поэтом не прекратились. Началась дружеская переписка, продолжавшаяся до самой ссылки поэта, и в первые годы пребывания его в оренбургских степях.

Заботы Репниной о Шевченко всегда отличались подлинной искренностью и великодушием, сердечностью и доброжелательностью. В письме к Тарасу Григорьевичу от 19 июня 1844 года Варвара Николаевна пишет:

«Никто, я думаю, как я, так горячо не присоединяет своих желаний к вашим, дабы Вам во всем был успех! О, не откажите уведомить меня, когда Вы совершенно будете спокойны насчет братьев Ваших: я никогда не смела Вас о них спрашивать, хоть не раз собиралась, но всегда слова замирали на устах моих...».

А в письме к Шевченко от 3 июля 1844 года пишет: «Вы с молитвою в сердце и с сильною

волею принялись за перевоспитание свое, улучшив, освятив с помощью благодати Господней все прекрасное, все святое, все высокое, дарованное Вам столь щедро, и искоренив пагубный порок, который Вас тянет к долгу! О, не говорите, что на вас нападают люди: здесь не завистники, не подлецы обвинители Ваши, — я сестра Ваша, Ваш искренний друг. Ваша обвинительница. Я не сужу о Вас по рассказам, я не осуждаю Вас, но я со смелостью, которую должна бы иметь гораздо прежде, ибо давно уже Вы в числе других друзей моих, говорю Вам как брату, что слишком часто я Вас видела таким, как не желала бы видеть никогда».

Примерно в таком же духе составлены и другие ее письма к Шевченко из Яготина в июле-сентябре 1844 года.

Восхищаясь душевными качествами поэта, Варвара Николаевна обвиняет его в тяжком пороке. Какой же это порок был у гениального Кобзаря? Невоздержанность к спиртному. К нему Шевченко приобщился еще во время обучения в Академии художеств. К большому сожалению недобрую услугу в приобретении этого порока проявил сам учитель Шевченко Карл Павлович Брюллов. Его любимый ученик Тарас стал завсегдатаем и соучастником пьяных оргий на квартире своего учителя, расположенной в помещениях Академии художеств, куда часто собирались его ученики и целую ночь пьянствовали. Почти всегда принимал участие в этих оргиях и Шевченко, которого великий Брюллов превратил чуть ли не в своего послушного казачка, который сопровождал его в значимые места Петербурга. В одно время Шевченко даже жил на квартире Брюллова (до его женитьбы). Частые посещения ресторанов в компании Брюллова и его приятелей уже тогда начали подтачивать здоровье будущего поэта. Его друг Иван Максимович Сошенко неоднократно убеждал оставить недостойное умного человека злоупотребление спиртным, но его старания не увенчались успехом.

Раньше об этой слабости поэта много писалось и говорилось. Говорят, пишут и теперь, правда, не с такой откровенностью, как раньше. До революции профессор Харьковского университета Н. Ф. Сумцов в статье «Причина смерти Т. Г. Шевченко» писал: «Известно, что Шевченко скончался от водяной. Господствует мнение, что болезнь эта развивалась на почве алкоголизма...». Об этом же свидетельствуют его лучшие друзья-современники, его искренние доброжелатели: Кулиш, Микешин, Костомаров, Максимович. Ни одного из них нельзя заподозрить в умышленной клевете или оговоре Шевченко.

Вот и Репнина, восхищаясь, как мы уже говорили, высокими душевными качествами и мастерством поэта, поражаясь его гениальностью, все же отмечает, что часто видела Тараса Григорьевича «таким, каким не желала бы видеть никогда». «Все Ваше несчастье, — пишет Репнина, — состоит в том, что Вы связались с этими пустыми людьми, что Вы, человек одаренный талантом, губите его, просиживая иногда в компании этих «мочеморд», что вредно отражается не только на Вашем таланте, но и на здоровье». Она не советует Шевченко не только знать, но и переписываться с ними: «Я с неудовольствием слышала от брата своего, — пишет Варвара Николаевна, — что на днях у него был Закревский, который получил от Вас письмо. Я надеялась было, что Вы уже не переписыва-

етесь с ним. Я этого знакомства очень боялась для Вас. Любите сколько угодно Капниста, Борковского, Галагана, Вл. Лукашевича, с ними все хорошее, благородное, находящееся в Вас, разовьется все более и более». Но, видимо, Шевченко уже в то время не мог самостоятельно справиться со своим недугом. Это ощущал и осознавал он сам. Как рассказывает Н. Костомаров, у которого Шевченко часто бывал в гостях, последний не очень отличался воздержанностью к употреблению спиртного и по-прежнему напоминал Николаю Ивановичу: «Ты мне не подавай бутылки рому, а отливай половину до другого раза. А то сколько бы ты не подал, я все выпью». Репнина понимала всю глубину этой пропасти и приложила все свои старания для избавления любимого ею человека от гибели, но и у нее, женщины, обладающей неистощимой добротой души и милосердия, безошибочно осознавшей значение поэта для Украины, не хватило сил справиться с непосильной для нее задачей. Она не смогла направить его на истинный путь, хотя Шевченко сознавал правоту ее доводов и благоговел перед ней. Сил не хватило. 20 декабря 1844 года Репнина снова пишет Шевченко: «...оставьте злых, глупых, гадких в покое, отводите душу, во-первых, тем, что Бог никогда не оставляет уповающих до конца на него и призывающих его во имя Иисуса Спасителя».

Узнав, что Шевченко занимается серьезной работой, Репнина пишет ему 7 мая 1844 года: «Душевно приятно мне было читать, что Вы занимаетесь с успехом живописью. Надеюсь, что и перо не лежит у Вас в бездействии. Это было бы ужасное преступление».

Подаренную Репниной поэму «Тризна» Шевченко написал на русском языке (В. Н. плохо знала украинский язык), но не только поэтому. В письме к Терновскому Шевченко пишет: «Пишу по московскому, чтобы не говорили москаль, что я их языка не знаю». Стихотворение «Бесталанний» было опубликовано в «Маяке» в 1844 году, а отдельной брошюрой под названием «Тризна» вышло 25 января (7 февраля). Стихотворение «Тризна» было подарено автором Репниной вместе с двумя рисунками: своим портретом и рисунком отцовского дома.

Репнина помогала Шевченко в распространении его «Живописной Украины». В своих душевных письмах княжна пыталась пробудить в нем его благородные наклонности, заглушаемые «недостойным и недостойными». В письме от 22 сентября Репнина советует поэту «не покидать ни пера, ни кисти, а идти чистой святой дорогой, и да осенит Вас благодать Господня».

В январе Репнина сообщает Шевченко о большом горе — смерти своего отца после долгой болезни и тяжелой болезни, изурившей больного ужасными страданиями. Перед смертью Николай Григорьевич завещал похоронить себя в Густыньском монастыре. И Варвара Николаевна, выполняя его последнюю волю, повезла гроб на санях через Прилуки в монастырь. Она рассказывает в письме от 22 февраля 1845 года, как земляки Тараса Григорьевича в Прилуках, узнав, кого везут хоронить, отпрягли лошадей и на себе, в укасную метелицу, повезли сани.

Петр КРАПИВА.

(Продолжение следует).

Продолжение. Начало в номерах за 18, 19 и 21 февраля.